

Ашхарский именной комплекс и типология инкорпорирующих процессов

Ю. А. Ландер (НИУ ВШЭ)

yulander@yandex.ru

Одной из важных особенностей полисинтетических абхазо-адыгских языков является наличие именного комплекса – особого образования, включающего имя и некоторые его определения и обладающего свойствами единой (сложной) основы. Именной комплекс был подробно описан для адыгейского языка, причем здесь для него было предложено две трактовки: в то время как в Lander 2017 именной комплекс рассматривается как результат морфологического построения, согласно Ershova 2020 именной комплекс представляет собой сложную синтаксическую конструкцию, приобретающую свойства единой основы лишь благодаря особым правилам соответствия синтаксических и просодических структур. Свойства именного комплекса в других абхазо-адыгских языках семьи изучены явно недостаточно: в грамматиках он обычно описывается в традиционных терминах присоединения определения к имени без уточнения его типологических особенностей, и только для кабардино-черкесского языка в Bagirokova, Lander 2017 обсуждаются некоторые свидетельства «деморфологизации» именного комплекса (по сравнению с адыгейским).

В представляемой работе обсуждается именной комплекс в ашхарском диалекте абазинского языка (говор а. Старо-Кувинск), как в следующем примере:

- (1) *haq^w—tʒə—ʃk^wak^wa-k^wá* ‘белые каменные дома’
камень—дом—белый-PL

Для выделения ашхарского именного комплекса можно использовать критерии, сходные с теми, что предлагались для адыгейского языка:

- морфологический критерий – именной комплекс образует единую область в отношении некоторых морфологических процессов, таких как префиксация показателя референтности и суффиксация показателей неопределенности и нейтрального множественного числа;
- просодический критерий – именной комплекс по крайней мере может образовывать единую область для правил расстановки ударения.

Хотя эти критерии действуют хорошо для канонических случаев (сочетаний имен с препозитивными нереферентными именными зависимыми и постпозитивными прилагательными), в ашхарском диалекте встречаются и конструкции, представляющие сложности для описания. Как и в адыгейском языке, в ашхарском абазинском возможно «передвижение» прилагательных, субкатегоризирующих собственные зависимые, на левую периферию комплекса:

- (2) *fatájma l-ájckəs ph^wəspə—pš'zǎ dǎ-g'-hǎ-mǎ-m*
Фатима 3SG.F.OBL-чем девушка—красивый 3SG.H.ABS-NEG.EMP-1PL.OBL-иметь-NEG
‘У нас нет девушек красивее Фатимы.’

- (3) *fatájma l-ájçkəs pš'zɑ— // ph'wəspɑ də-g'-hə-má-m*
 Фатима 3SG.F.OBL-чем красивый— девушка 3SG.H.ABS-NEG.EMP-1PL.OBL-иметь-NEG
 ‘У нас нет девушек красивее Фатимы.’

При этом такие препозитивные прилагательные по-прежнему образуют единую морфологическую область с модифицируемым именем (не допуская появления на нем префиксальной морфологии), но обладают собственным ударением и легко допускают просодический разрыв с именем. Это показывает, что разные компоненты могут быть интегрированы в именной комплекс в разной степени (что противоречит схеме, предложенной для адыгейского языка Кс. Ершовой).

Данное явление можно описать, если представлять инкорпорацию (в широком смысле – то есть не только инкорпорацию имени в глагол) как семейство процессов, которые часто, но не обязательно сопутствуют друг другу, могут происходить на синтаксическом, морфологическом и просодическом уровнях и могут включать утрату автономности (включение в единую область в отношении характерных для слова синтаксических, морфологических или просодических правил) и/или утрату способности к усложнению (допустимости собственных зависимых, выражения разнообразных категорий); ср. Lander 2010. В какой-то степени это отражено в литературе во включении в рассмотрение наряду с инкорпорацией и псевдоинкорпорацией (Massam 2001; Borik, Gehrke (eds) 2015), а также в канонических подходах к инкорпорации вроде Grossman 2016 – но как кажется, такие подходы допускают и дальнейшее расширение на процессы, не ограниченные именной инкорпорацией. Для абхазо-адыгских языков можно, по-видимому, утверждать, что разные элементы инкорпорируются в именной комплекс согласно разным критериям. Исследование вариативности языков и компонентов именного комплекса в этом отношении представляется плодотворным направлением.

Литература

- Bagirokova, Irina & Lander, Yury. 2017. Demorphologization of the nominal complex in Circassian. *Historical Linguistics of the Caucasus: Book of abstracts. Paris, 12-14 April, 2017*, 24–26. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.
- Borik, Olga & Gehrke, Berit (eds.). 2015. *The syntax and semantics of pseudo-incorporation* (Syntax & Semantics vol. 40). Leiden ; Boston: Brill.
- Ershova, Ksenia. 2020. Two paths to polysynthesis: Evidence from West Circassian nominalizations. *Natural Language & Linguistic Theory* 38(2). 425–475. (doi:10.1007/s11049-019-09455-w)
- Grossman, Eitan. 2016. Noun phrase (?) incorporation: A preliminary cross-linguistic study. (Ms.)
- Lander, Yury. 2010. Dialectics of adnominal modifiers: On concord and incorporation in nominal phrases. In Floricic, Franck (ed.), *Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels*, 287–311. Lyon: ENS éditions.
- Lander, Yury. 2017. Nominal complex in West Circassian: Between morphology and syntax. *Studies in Language* 41(1). 76–98. (doi:10.1075/sl.41.1.03lan)
- Massam, Diane. 2001. Pseudo Noun Incorporation in Niuean. *Natural Language and Linguistic Theory* 19(1). 153–197. (doi:10.1023/A:1006465130442)